

The book cover features a man and a woman in a close embrace against a coastal background. The man is in profile, looking towards the right, wearing a dark t-shirt. The woman is leaning her head against his shoulder, looking down. The background shows a blue sea and a rocky coastline under a clear sky. The title 'Измена' is written in large, red, brush-stroke font across the middle. Below it, the subtitle 'БЕРЕМЕННАЯ ЛЮБОВНИЦА МОЕГО МУЖА' is in white and blue block letters. The author's name 'Алекс М' is in the top left.

Алекс М

Измена

БЕРЕМЕННАЯ
ЛЮБОВНИЦА
МОЕГО МУЖА

Алекс М

Измена Беременная любовница моего мужа

<https://litres.ru/74067351>

SelfPub; 2026

Аннотация

— У меня есть другая женщина.

— И давно? — голос вышел чужим, ровным, будто я спрашивала, во сколько он завтра уезжает в командировку.

— Арина, это не главное.

— Давно, я спрашиваю.

— Полгода. — Он опять тронул манжету. — Но дело не в этом. Лада беременна.

Вот оно. Имя. Раньше она была никем, безымянной тенью где-то на краю моей жизни, и теперь у тени появилось имя, короткое и звонкое, как пощёчина. Лада. И сразу за именем — то, что отрезало все пути назад, заколотило все двери, через которые ещё можно было выйти к прежней жизни. Беременная.

— Я не могу бросить ребёнка, — продолжал он, и в голосе у него прорезалось что-то новое, незнакомое мне, какая-то тошнотворная гордость собой. — Ты пойми. Я должен поступить как мужчина. У меня будет сын. Или дочь. Я не имею права отвернуться.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алекс М

Измена Беременная любовница моего мужа

ПРОЛОГ

Свой бокал я разбила сама. Не швырнула, не запустила в стену, как делают в кино растрёпанные жёны, — просто сжала ножку чуть сильнее, чем держат хрусталь, и тонкое стекло хрустнуло у меня в пальцах, осыпавшись на белую скатерть мелким сверкающим крошевом. Капля крови выступила на подушечке большого пальца, набухла и сорвалась вниз, расплылась на льняной ткани неровным пятном цвета граната. Я смотрела на это пятно и думала только об одном: тринадцать лет назад на этой самой скатерти, новой, пахнущей магазином, отец поставил передо мной два бокала и сказал, что теперь у меня своя семья и свой стол, за который я буду сажать гостей до самой старости.

Стол был накрыт на двоих. Годовщину мы всегда отмечали вдвоём, без ресторанов, без гостей, без той показной радости, которую вешают на стену вместе с фотографиями. Я готовила сама, с утра, неторопливо, как готовят люди, у которых впереди ещё целый вечер и вся оставшаяся жизнь. За-

печённое мясо томилось под крышкой. В высоких подсвечниках ждали своего часа свечи, которые я так и не зажгла. Часы на стене перевалили за девять, потом за половину десятого, и тогда в замке наконец повернулся ключ.

Максим вошёл не так, как входит муж в свой дом после долгого дня. Он вошёл, как входит человек в кабинет к врачу, заранее зная диагноз. Поправил манжету рубашки — этот его жест я выучила за тринадцать лет наизусть, он всегда трогал манжеты прежде, чем сказать что-то, чего говорить не хотел. Я ещё ничего не услышала, но всё уже поняла этим тёмным, животным чутьём, которым жена считает мужа быстрее, чем он сам успевает открыть рот.

— Нам надо поговорить, — сказал он, и не сел напротив, а остался стоять, держась за спинку стула, как держатся за поручень в качающемся вагоне.

— Я тебя ждала с восьми, — я кивнула на остывшие тарелки, на свечи, на это всё. — У нас сегодня годовщина, Максим. Тринадцать лет.

Он молчал. Молчал так, что мне захотелось встать и зажать ему рот ладонью, лишь бы он не произносил того, что уже стояло между нами, заняв собой весь стол, всю комнату, весь воздух в квартире.

— У меня есть другая женщина.

Он сказал это ровно, как сообщают цифру, как зачитывают приговор. Не «прости», не «так вышло», не «я не хотел» — а сразу суть, голую, без обёртки, будто торопился пере-

шагнуть через самое страшное и оказаться по ту сторону, где уже легче.

Я не закричала. Внутри у меня что-то осело вниз и затихло, как оседает снег, сорвавшийся с крыши, — был грохот, а стало тихо и бело. Я взяла салфетку и промокнула палец, на котором всё ещё выступала кровь. Аккуратно сложила её вчетверо. Положила рядом с тарелкой. Руки делали что-то сами, лишь бы не делать того, что хотелось, — не вцепиться в лицо, не завывать, не сползти под стол.

— И давно? — голос вышел чужим, ровным, будто я спрашивала, во сколько он завтра уезжает в командировку.

— Арина, это не главное.

— Давно, я спрашиваю.

— Полгода. — Он опять тронул манжету. — Но дело не в этом. Лада беременна.

Вот оно. Имя. Раньше она была никем, безымянной тенью где-то на краю моей жизни, и теперь у тени появилось имя, короткое и звонкое, как пощёчина. Лада. И сразу за именем — то, что отрезало все пути назад, заколотило все двери, через которые ещё можно было выйти к прежней жизни. Беременная.

— Я не могу бросить ребёнка, — продолжал он, и в голосе у него прорезалось что-то новое, незнакомое мне, какая-то тошнотворная гордость собой. — Ты пойми. Я должен поступить как мужчина. У меня будет сын. Или дочь. Я не имею права отвернуться.

Как мужчина. Я смотрела на него и впервые за тринадцать лет видела не мужа, не того, с кем делила постель и счета, болезни и отпуска, — а чужого, надутого собственным благородством человека, который пришёл в наш дом, чтобы сообщить мне, что наконец-то нашёл себе настоящую жизнь, а эта, со мной, была так, черновик.

— У нас тоже мог быть ребёнок, — сказала я тихо. — Ты помнишь, сколько раз мы...

— Не начинай. — Он поморщился, как от зубной боли. — Не сейчас.

И в этом «не начинай» было всё. Вся правда о том, кем я стала для него за эти годы, — человеком, которого обрывают на полуслове, потому что его боль неуместна, мешает, портит ему минуту торжества. Я молчала. Считала, кажется, удары собственного сердца, тяжёлые и редкие, и думала о том, что в этом доме каждый угол выбирала я, каждую чашку, каждую штору, и что теперь по этим углам будет ходить женщина по имени Лада и трогать мои чашки своими руками.

— Я завтра перевезу часть вещей, — сказал он, направляясь к двери, и уже в дверях, не оборачиваясь, добавил то, после чего во мне закончилось всё, что ещё теплилось: — Ладе нельзя нервничать. Сейчас важно, чтобы у неё всё было спокойно.

Дверь его кабинета закрылась. Я осталась одна за накрытым на двоих столом, посреди свечей, которые так и не за-

зглись, и остывшего мяса, которое никто не съест. На ска-
терти расплывалось гранатовое пятно от моей крови. Я смот-
рела на него и не плакала. Слезы пришли позже, ночью, ко-
гда я лежала в нашей — теперь уже не нашей — кровати од-
на и слушала, как за стеной он собирает чемодан.

А пока я просто сидела и крутила на запястье тонкий брас-
лет, который отец надел мне на руку в день свадьбы. Крутила
и крутила, по кругу, по кругу, чувствуя под пальцами знако-
мый холодок металла, единственное, что во всём этом доме
осталось по-настоящему моим.

За стеной что-то упало, глухо ударившись о пол, — навер-
ное, та коробка с его галстуками, которую он вечно ставил на
край шкафа. Я вздрогнула от этого звука, как вздрагивают от
выстрела, и поняла, что всё это время сидела, не шевелясь,
прямая, как струна на скрипке отца, который когда-то учил
меня держать спину за любым столом, при любых гостях, в
любом горе. «Никогда не позволяй им видеть, что тебе сло-
мали хребет», — говорил он, и я держала спину сейчас, хо-
тя видеть было некому, хотя в комнате не осталось никого,
кроме меня и двух тарелок с едой, к которой никто не при-
тронется.

Я встала. Подошла к плите, выключила давно потухшую
конфорку под кастрюлей, в которой томилось мясо, — про-
стое, бессмысленное движение хозяйки, которая по привыч-
ке наводит порядок там, где порядка уже не будет. Сняла
крышку. Из-под неё поднялся пар, тёплый, домашний, и от

этой обыденности, от того, что мясо удалось, что оно мягкое, как я и хотела, у меня впервые перехватило горло. Не от его слов. От этого пара. От того, что я старалась.

Телефон на столе зажёгся, дрогнул экраном. Я подошла, посмотрела. Сообщение было не от него и не от подруги. Незнакомый номер, и одна короткая строчка, от которой по спине прошёл холод: «Не делай глупостей, Арина. Так будет лучше для всех». Подписи не было. Я перечитала её трижды, и буквы не складывались, расплзались, как то пятно на ска-терти. Кто-то уже знал. Кто-то уже следил за тем, как я при-му это, и заранее, на всякий случай, советовал мне не дёр-гаться. Тогда, в первый вечер, я ещё не понимала, что это значит. Поняла много позже.

Я ещё не знала, что её живот окажется пустым. Я ещё не знала, что женщина по имени Лада придёт в мою жизнь не за любовью моего мужа, а за тем, что построил мой отец, — за землёй, за стройкой на Юго-Западе, за старыми бумага-ми, которые отец хранил в нижнем ящике стола и которые делали половину этого дела нашим. Я ещё ничего не знала — ни про поддельные справки, ни про купленного врача, ни про человека, который сидел за всем этим, как паук в центре паутины, и спокойно, вежливо, по-деловому считал доли в чужом наследстве.

Я знала только одно. Сидя за разорённым праздничным столом, с кровью на пальце и пустотой там, где тринадцать лет билось доверие, с чужим предупреждением на экране те-

лефона, я уже понимала всем своим существом: тихо я отсюда не уйду. Эта женщина забрала моего мужа. Но дом моего отца она не получит. И ребёнок, о котором они там думают как о ключе к чужому сейфу, никогда не переступит порог, который строил не он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.